

1887), насыщенные факсимильными образцами русской книжной орнаментики XII–XVI веков; старообрядческий журнал «Изборник народной газеты» (1906), где впервые было воспроизведено старейшее изображение Аввакума на иконе начала XVIII века из Хлудовского собрания ГИМ. В создании образа Аввакума А. А. Великанов также использовал иконографию Строгановского (или иного близкого к нему по графике) лицевого иконописного подлинника, изданного в 1869 году.

В образе Аввакума, представленном в рукописи, видна попытка автора адекватно изобразить священномученика и эпизоды его жития в окружении впечатляющих текстов знаменитого писателя XVII века. При этом, по мнению докладчика, у Великанова не было намерения вести читателя в заблуждение стилизацией под древнерусскую иконографию: слишком заметен авторский стиль, приемы и содержание миниатюр, не похожих на старинные оригиналы. Поэтому пренебрежительный эпитет «подстаринщика», данный некоторыми исследователями, не представляется справедливым. Ярославский иконописец А. А. Великанов стоит в том же ряду талантливых русских мастеров, что и И. Г. Блинов, Г. Е. Фролов, П. М. Софронов, Я. А. Богатенко, В. П. Гурьянов и многие другие художники, создавшие особую старообрядческую отрасль в российском мире искусства.

Об этапах деятельности Культурно-памятного центра имени пророка Аввакума, связанной с 400-летием священномученика и исповедника, рассказал председатель правления центра М. Б. Пашинин (Москва). Идея празднования начала обсуждаться в 2016 году и два года спустя на Всемирном старообрядческом форуме была подхвачена всеми староверскими согласиями. Вскоре на съезде староверов-поморцев был одобрен эскиз бронзового памятного знака на территории Нарьян-Марской старообрядческой общины, выполненный архангельским художником и скульптором С. Н. Сюхиным. Инициатива установки знака, а также предложение о проведении Международной исторической конференции в Нарьян-Маре и международного крестного хода в Пустозерск были всемерно поддержаны губернатором Ненецкого автономного округа А. В. Цибульским. В 2020 году Культурно-

просветительский центр приступил к разработке памятной медали с изображением пророка Аввакума, приуроченной к Международному старообрядческому форуму. Художественной основой медали стал памятный знак работы С. Н. Сюхина.

Пандемия коронавируса помешала полному осуществлению намеченных к празднованию мероприятий. Тем не менее 5 сентября 2020 года на территории Нарьян-Марской поморской общины в присутствии главы Древлеправославной Поморской Церкви о. Виктора Шамарина, губернатора Ненецкого автономного округа Ю. В. Бездудного и других официальных лиц состоялось торжественное открытие памятника пророку Аввакуму. Бронзовый барельеф с изображением Аввакума в полный рост с высокоподнятым двоеперстием, как символ проповеди старой веры, украсил не только музейный комплекс Нарьян-Марской поморской общины, но и город в целом. В тот же день в с. Тельвиска прошла конференция «Пустозерская проза пророка Аввакума — мировое духовное и культурное наследие». 6 сентября в Пустозерске свершилось важное для всех староверов духовное событие — крестный ход.

Форум завершился подведением итогов. В выступлениях Н. В. Поньрко, о. Евгения Чунина, В. П. Бударagina, А. В. Вознесенского, И. А. Евсеевой, Г. В. Маркелова, О. В. Панченко, А. В. Пигина, С. А. Семячко была высказана благодарность фонду «История Отечества» за финансовую поддержку форума; подчеркнута научно-культурное и общественное значение этого события. Его высокий научный уровень дал возможность приблизиться к пониманию исторической и духовной сущности старообрядчества, не только открыв новые грани в творчестве пророка Аввакума, но и поставив новые научные цели. В этой связи была подчеркнута очевидная и давно назревшая потребность в академическом издании сочинений Аввакума.

После подведения итогов форума его участники совершили поездку в Комарово на могилу Д. С. Лихачева (30 сентября — день памяти ученого).

© *Е. Д. Конусова*

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-3-276-279

XXIV НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА

5 ноября 2020 года Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН провел XXIV научные Чтения. Программа была подчинена хронологическому принципу репрезентации архивных докумен-

тов Рукописного отдела и Литературного музея ИРЛИ, оказавшихся в поле исследовательских интересов участников конференции.

Чтения открылись выступлением О. Л. Фетисенко (Санкт-Петербург) «„Минуты роковые“:

по страницам записных книжек Ивана Щеглова (И. Л. Леонтьева)», которое было посвящено исследованию творческих материалов 1890–1900-х годов. Как справедливо отмечалось в докладе, фонд И. Л. Леонтьева — один из первых писательских архивов, поступивших в Пушкинский Дом, и при этом до сих пор еще плохо изученный, незаслуженно обойденный вниманием историков литературы. Особенность подневных записей Щеглова, известного прозаика и драматурга, заключалась в том, что он нередко фиксировал по памяти случайно услышанные им реплики или обрывки уличных разговоров. Так рождались короткие и яркие зарисовки. Подобные фрагменты можно найти то среди записей делового характера, то среди набросков к будущим произведениям. Эти «отголоски» народного сознания представляют собой уникальный историко-социологический источник, позволяющий по-новому взглянуть на, казалось бы, широко известные эпизоды русской истории конца XIX века. Название доклада определило тематический спектр представленных О. Л. Фетисенко фрагментов записных книжек, касающихся разного рода трагических событий, свидетелем которых стал писатель. В качестве примеров она привела сюжеты 1905 года, но основное внимание уделила страницам архивных документов, заполненных в октябре 1894 года, когда Москва прощалась с императором Александром III. По наблюдениям писателя, настроение и поведение москвичей в это время было далеко не похоже на те картины всенародной скорби, которые рисовались в газетных обозрениях. Несколько раз в те дни Щеглов повторял слова Чацкого «Нет, недоволен я Москвой».

А. В. Востриков (Санкт-Петербург) позначил аудиторию с одной из глав многолетнего исследования, посвященного истории Санкт-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов. В докладе «М. С. Боровкова-Майкова, исследователь биографии и творчества преподобного Нила Сорского (по материалам архива И. А. Шляпкина)» были собраны биографические сведения о историке литературы, одной из представительниц новой научной интеллигенции XX века, продолжательнице школы отечественной медиевистики. В докладе реконструирован ранний этап научной деятельности Боровковой-Майковой, посвященной изучению духовного наследия религиозного деятеля XV века. Интерес, возникший еще в студенческие годы, после окончания Курсов был преобразован в форму научной работы, проходившей под началом профессора И. А. Шляпкина. Письма М. С. Боровковой-Майковой к научному руководителю за 1902–1918 годы позволяют проследить становление молодого ученого, подготовившего в итоге своих исследований ряд статей и первое научное издание творений преп. Нила (СПб., 1912); в письмах также содержатся интересные сведения о ее работе в различных архивах Санкт-Петербурга, Москвы и Сергиева Посада.

Документы, относящиеся к истории русского символизма, были представлены в двух вы-

ступлениях, посвященных художественно-образительной рецепции. Сообщение М. М. Павловой (Санкт-Петербург) «Неизвестная работа С. Ю. Судейкина в собрании Литературного музея Пушкинского Дома» в своей отправной точке строилось вокруг атрибуции одного примечательного документа, находившегося в кабинете Федора Сологуба вплоть до его кончины. Триолет «Гулял под зонтиком прекрасный кавалер...» (1913) в художественном оформлении неизвестного автора представляет собой акварельный рисунок с изображением парящих в облаках кавалера и черта (персонажи триолета) и стилизованное воспроизведение текста стихотворения. Эта анонимная «иллюстрация» поступила в Литературный музей в 1928 году из последней квартиры поэта (Ждановская набережная, д. 3/1, кв. 22) вместе с другими предметами интерьера, окружавшими его рабочий стол. В экспертизе акварели приняла участие научный сотрудник отдела рисунка ГРМ Ю. Л. Солонович, по заключению которой стилистическая манера автора сходна с типологически близкими работами С. Ю. Судейкина — одного из представителей театрально-художественной элиты, который вместе с супругой, актрисой и художницей Ольгой Глебовой-Судейкиной, был частым гостем воскресных журфиксов Сологуба. Провенанс этого образительного документа и предположительное авторство вывели исследователя на раскрытие одного из сюжетов литературного быта эпохи символизма, связанного имени Сологуба, О. А. Глебовой-Судейкиной, вдохновившей поэта на цикл стихотворений (1906–1922), и художника Судейкина, запечатлевшего в своей акварели шутивное напоминание о театрально-художественной атмосфере 1910-х годов и травестийном литературном имидже Сологуба — «сыне Дьявола», восходящем к известному стихотворению «Когда я в бурном море плавал...» (1902). В ходе обсуждения доклада возникла идея интерпретации акварельного рисунка как экфрасического по своему генезису шуточного подарка.

Коллекция музейного собрания ИРЛИ отчасти послужила источником и для доклада Е. Р. Обатниной (Санкт-Петербург) «Иконография А. М. Ремизова: к истории портретов писателя (подготовительный материал для сайта «Наследие А. М. Ремизова в литературном процессе XX–XXI вв.»)». Сайт, стартовая версия которого уже открыта для пользователей на сервере Пушкинского Дома, направлен на изучение актуальных проблем ремизоведения и, в частности, предоставляет материал, посвященные вопросам рецепции творчества и личности Ремизова. Обращаясь к образцам портретирования Ремизова дореволюционного времени, исследователь постаралась раскрыть особенности восприятия его образа с точки зрения мастеров образительного искусства, отметив, что в диспозиции писатель и художник до известной степени наблюдалось превосходство писателя, который оказывал несомненное влияние на художественную интерпретацию, буквально направляя прочтение собственного образа как

личной эстетикой, так и особенностями своего литературного поведения. На основании мемуаров, опубликованной переписки, исследовательской литературы и неизвестных архивных материалов Е. Р. Обатнина рассмотрела эпизоды биографии Ремизова, связанные с созданием его графических и скульптурных портретов работы М. В. Сабашниковой (Литературный музей ИРЛИ), Б. М. Кустодиева (ГРМ), И. К. Пархоменко (Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля — Гослитмузей), В. В. Кузнецова (Литературный музей ИРЛИ), Ю. П. Анненкова (Гослитмузей) и В. А. Орловой (Литературный музей ИРЛИ). Согласно гипотезе докладчика, успех графического и скульптурного воплощения художественного образа в большинстве случаев зависел от степени вовлечения художника в творческий мир писателя. Благодаря сведениям, полученным от хранителей музея ИРЛИ Е. В. Кочневой и М. О. Александровой, автор экскурсии по истории портретирования Ремизова познакомил аудиторию с малоизвестными произведениями портретного жанра, в частности с бронзовым бюстом работы В. В. Кузнецова и офортом В. А. Орловой. В прениях по докладу с ценными дополнениями, касающимися рецепции внешности Ремизова современниками, выступил А. В. Востриков, напомнивший выразительный пример из дневника Е. П. Казанович (РНБ; опубликован А. М. Грачевой), впервые встретившей писателя в 1912 году в доме И. А. Шляпкина. В восприятии молодой женщины писатель производил амбивалентное впечатление, вызывавшее ассоциации с известным героем Гюго — горбуном Квазимодо. По предположению А. В. Вострикова, образ Ремизова мог ассоциироваться даже не столько с описанием в романе «Собор Парижской Богоматери», сколько с его сценическим воплощением в балете Ц. Пуни «Эсмеральда», который пользовался большим успехом в репертуаре Императорского Мариинского театра начиная с 1899 года.¹ Это дополнение докладчик приняла с благодарностью, как интересный казус, отражающий разнообразие культурных коннотаций в рецепции современников.

Введение в научный оборот новых архивных документов, освещающих историю русской эмиграции первой и второй волны в программе XXIV Чтений, стало профессиональной привилегией двух докладчиков, сфера деятельности которых направлена на комплектование и обработку новейших фондов Рукописного отдела. Героем доклада Л. В. Герашко (Санкт-Петербург) был избран Анатолий Штейгер, один из ярких представителей «парижской ноты», имя которого в истории русского зарубежья принято связывать с именем Марины Цветаевой, «посвятившей» молодому поэту 30 писем и стихотворный цикл «Стихи Сироте» (1936). Известно, что для Цветаевой эпис-

толярный жанр способствовал раскрытию и углублению творческой реализации, а ее адресаты нередко оказывались в центре эмоционально-лирического переживания и, в отдельных случаях, «жертвами» ее романтического максимализма. Из ответных писем Штейгера сохранилось лишь одно, так что личность поэта даже для современников, прочитавших извлечения из этой переписки в журнале «Опыты» (1955, 1957), запечатлелась в отраженном свете его взаимоотношений со знаменитой корреспонденткой и в незаурядном, но коротком поэтическом опыте, прерванном ранней кончиной. Автобиографические документы Штейгера малоизвестны. Это обстоятельство придает неоспоримую ценность хранящимся в Рукописном отделе Пушкинского Дома его личным письмам, адресованным князю А. П. Мещерскому и профессору П. М. Бицилли, содержание которых позволяет переосмыслить стереотип восприятия его личности, сложившийся в биографической и мемуарной литературе. В докладе были представлены впечатляющие цитации из неопубликованных эпистолярных документов, строки которых воссоздают душевный склад поэта, глубоко сопереживавшего своим соотечественникам, погибшим в годы немецкой оккупации.

Т. С. Царькова (Санкт-Петербург) в своем выступлении «Д. И. Кленовский: архив и биография» рассказала об образовании в Рукописном отделе личного фонда известного поэта второй волны русской эмиграции Дмитрия Иосифовича Кленовского (наст. фам. Крачковский). Его биография известна по личным свидетельствам, однако даже в текстах, написанных им самим, такой, на первый взгляд, очевидный факт, как дата рождения, оказался колеблющимся между 1892 и 1893 годами. Проанализировав поступившие личные документы Кленовского периода его жизни в Германии, автобиографические и биографические записи его вдовы Маргариты Денисовны Крачковской, исследовательница озадачилась установлением истинных метрических данных. По заключению Т. С. Царьковой, источником «двойной» датировки был сам Кленовский, который в силу своей сложной и драматичной судьбы указывал и 1892, и 1893 год, что повлекло за собой расхождения в биографических справках научных авторитетных изданий. Так, к примеру, в Полном собрании сочинений Кленовского, изданном под редакцией О. А. Коростелева (2011), называется 1892 год, а в издании переписки поэта с архиепископом Сан-Францисским Иоанном Шаховским (псевд. Странник), выпущенном в свет под редакцией Р. Герра (1981), в пределах одной книги можно встретить и 1893, и 1892 год. Возможно, материалы образованного фонда еще раскроют биографам поэта конкретные мотивации этой неустойчивой даты, но в докладе были перечислены обстоятельства, которые могли заставить Крачковского «редактировать» свои паспортные данные. В частности, это и условия военной эмиграции, когда он с женой, имевшей немецкие корни, был эвакуирован

¹ Материалы доклада в настоящий момент вложены на ремизовском сайте Пушкинского Дома в разделе «Ремизов и художники» (<http://pushkinskijdom.ru/remizov>; дата обращения: 31.07.2021).

в лагерь для так называемых фольксдойче на территории Австрии, и обстоятельства его послевоенной жизни в Германии, закончившейся в доме для престарелых. Возвращение корпуса материалов личного архива на родину повлекло за собой логически очевидные действия исследовательницы, подсказанные пушкинской крылатой фразой «Отечество нам Царское Село». Напомним, что Н. Берберова, называя Кленовского «Последним царскоселом», причисляла его к плеяде акмеистов — по месту рождения, и по образу поэтического мышления. Для уточнений биографических данных архивист обратилась в музей «Императорской Николаевской Царскосельской гимназии» (г. Пушкин), которую Кленовский закончил еще в пору директорства Иннокентия Анненского. Благодаря помощи заведующей музеем Т. И. Бровкиной была установлена единственно верная дата его появления на свет — 24 сентября 1893 года, зафиксированная в метрической книге родившихся за 1893 год, метрической записью в книге храма при крещении, аттестате зрелости, выданном гимназией в 1911 году. Таким образом, была прояснена и доказана «точка отсчета» жизненного пути большого поэта и созданы фактически обоснованные условия для формирования дела фонда Кленовского в Рукописном отделе ИРЛИ. В обсуждении доклада к исследователю были обращены вопросы по содержанию поступивших в архив материалов.

Доклад А. В. Сысоевой «Военно-литературный архив: сотрудничество Пушкинского Дома и журнала „Залп“, завершивший Чтения, был локализован на истории советского времени. По заключению докладчицы, занимавшейся материалами фонда ленинградского журнала «Залп» (1931–1934), вклад пушкинских авторов в издание неоднозначен. Журнал специализировался на так называемой оборонной литературе, которая тематически объединяла художественные военно-пропагандистские произведения, а также и литературоведческие статьи, и крити-

ку. Участие сотрудников института в журнале, преследующем идеологические цели, сказалось, главным образом, в решении гуманитарно-просветительских задач: на страницах «Залпа» печатались статьи для начинающих писателей, историко-литературные работы и текстологические изыскания, публиковались архивные документы. В частности, в одном из номеров появилась рубрика «Военно-литературный архив», название которой очерчивало перспективы так и не реализованного в полной мере проекта. В архивных документах А. В. Сысоева обнаружила план рубрики, включавший публикацию «Записок кавалериста» Н. С. Гумилева и «Интимного дневника» З. Н. Гиппиус. Доклад вызвал живой интерес собравшихся сотрудников Рукописного отдела. Среди отдельных реплик, касающихся выяснения добровольного участия в журнале научных сотрудников, важным дополнением к докладу, раскрывающим историческую реальность, в которой осуществлялась деятельность издания, стало выступление Т. И. Краснобородько. Исходя из личного многолетнего опыта изучения истории Института русской литературы, она обратила внимание аудитории на то, что навряд ли ученые, печатавшиеся в журнале, называли себя «пушкинотомцами», поскольку 1931–1934 годы были временем, последовавшим за «академическим делом», когда из официального названия нашего учреждения исчезло первоначальное название «Пушкинский Дом». Прозвучавшее дополнение придало важные исторические обертоны теме доклада А. В. Сысоевой, коснувшись вопроса о методах реализации сталинской программы по «советизации» научной интеллигенции.

Два заседания Чтений транслировались по YouTube-каналу Пушкинского Дома и привлекли внимание значительной аудитории, исчисляемой просмотрами, которые месяц спустя превысили цифру 200.

© *Е. Р. Обатнина*

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-3-279-283

ВТОРОЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «ФОРМЫ КУЛЬТУРНОГО РЕСАЙКЛИНГА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ»*

21–22 ноября 2020 года в рамках исследовательского проекта «Советское сегодня (Формы культурного ресайклинга в российском искус-

* Хроника подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00414 (Советское сегодня: Формы культурного ресайклинга в российском искусстве и эстетике повседневного. 1990–2010-е годы).

стве и эстетике повседневного. 1990–2010-е годы) Центра теоретико-литературных и междисциплинарных исследований прошло в дистанционном формате второе заседание коллективного семинара «Формы культурного ресайклинга в современной России: тенденции и интерпретации».

Заседание открыл В. Ю. Вьюгин (Санкт-Петербург). В своем докладе «„Премиальная